

ское духовенство к выходу из подчинения Константинопольского патриарха и принятию власти патриарха Московского.³³

Сопоставление периодичности датировок аллегорических сюжетов с хронологией исторических событий, возможно, поможет и определению датировки эрмитажного знамени. Вполне вероятно предположить, что рассматривавшееся нами выше знамя с его мусульманоборческой эмблемой могло быть изготовлено в качестве боевого стяга либо для действий против крымцев в 1630—40-х годах, либо для русского-турецкой войны 1676—1681 гг., либо в период крымских походов 1687 и 1689 гг.

Из перечисленных датировок вероятнее всего отдать предпочтение 1676—1681 гг. При сопоставлении рисунка ткани венецианской камки, из которой выполнена центральная часть знамени, с образцами рисунков камки в книге В. Клейна обнаружилось полное совпадение ее с изображением ткани, использованной в качестве подкладки покрывала гробницы царицы Агафии Семеновны, первой жены Федора Алексеевича, скончавшейся в июле 1681 г.³⁴

Сам характер исполнения рисунка эмблем (вырезанный по контурам и шитый сложный графический рисунок, выполненный тушью) свидетельствует также о том, что знамя создавалось в последней четверти XVII в. Мастерская Оружейной палаты в более ранний период своей деятельности редко применяла подобный прием для таких сложных рисунков. Чаще многофигурные композиции на полотнищах выполнялись в живописной манере.

Работа над атрибуцией одного из знамен Эрмитажного собрания хотя и не завершилась полным успехом (не удалось пока выяснить ни имени автора рисунка эмблемы на знамени, ни того, солдатскому или стрелцкому полку оно принадлежало), но привлеченный материал с достоверностью доказал, что знамя это — русское, что изображение сцены битвы орла со змеем не является лишь простым декоративным украшением полотнища, а несет на себе большую смысловую, идеологическую нагрузку и что эта эмблема возникла как отражение популярной на Руси «Повести о Царьграде».

Вероятно, в дальнейшем более точные датировки многих из рассмотренных нами памятников (в частности, например, книжных переплетов) и привлечение нового материала как-то изменят картину распространения этой эмблемы в прикладном искусстве, сместят, быть может, периодизацию подъемов и спадов популярности этого сюжета. Дальнейшие исследования, вероятно, обнаружат более тесную зависимость сюжетов изображений от вариантов литературного текста «Повести». Но пока бесспорно лишь то, что это один из эпизодов «Повести о Царьграде» — «Царьградское видение» нашел широкое распространение в русском прикладном искусстве, явился источником для рождения вполне определенной эмблемы. Бесспорно и то, что эта эмблема находилась в прямой зависимости от внешней и внутренней политики русского государства в XVII в.

³³ «4 мая 1669 г. Ордин-Нащокин послал в Приказ Тайных дел доклад, состоящий из 19 статей, в которых он подробно останавливается на мысли о необходимости подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху (см. рукопись диссертации Т. Н. Копреевой «Русско-польские отношения во второй половине XVII в. (1667—1686 гг.)», Л., 1951, стр. 162).

³⁴ В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология. М., 1925, стр. 53, рис. 42.